

A digital illustration of a woman with short, wavy blonde hair and green eyes, wearing a red garment. She is looking directly at the viewer with a serious expression. In the background, a man in a grey sweater and dark pants stands in a modern, brightly lit interior space, looking away from the camera. The overall style is realistic with soft lighting and detailed shading.

Алиса Градова

РАЗВОД

**У тебя новая жена?
Забирай детей с собой!**

Алиса Градова

**Развод. У тебя новая жена?
Забирай детей с собой!**

«Литнет»

2026

Градова А.

Развод. У тебя новая жена? Забирай детей с собой! /

А. Градова — «Литнет», 2026

— Машину я забираю себе, а вопрос с жильем решим через суд. Мальчики, естественно, остаются с тобой, — произнес Артём тем будничным, ровным голосом, каким обычно зачитывают список покупок перед поездкой в супермаркет. — Я буду переводить алименты. Официальный минимум. Видеться с ними смогу по выходным, если Вероника не запланирует ничего другого на эти дни. Елена неподвижно стояла у кухонной столешницы, изо всех сил сжимая ладонями кружку с ледяным чаем. Она вглядывалась в лицо мужа, словно пыталась отыскать в этих до боли знакомых чертах хоть каплю того человека, которого когда-то любила. Того, кто плакал от счастья под окнами роддома, боялся прикоснуться к крошечному первенцу и клялся, что их союз — это навсегда.

Содержание

ГЛАВА 1. ОБРЫВ НИТИ	5
ГЛАВА 2. ТЕНИ ПРОШЛОГО И ГОРЬКАЯ ПРАВДА	9
ГЛАВА 3. СУББОТНИЙ ВИЗИТ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

ГЛАВА 1. ОБРЫВ НИТИ

— Машину я забираю себе, а вопрос с жильем решим через суд. Мальчики, естественно, остаются с тобой, — произнес Артём тем будничным, ровным голосом, каким обычно зачитывают список покупок перед поездкой в супермаркет. — Я буду переводить алименты. Официальный минимум. Видеться с ними смогу по выходным, если Вероника не запланирует ничего другого на эти дни.

Елена неподвижно стояла у кухонной столешницы, изо всех сил сжимая ладонями кружку с ледяным чаем. Она вглядывалась в лицо мужа, словно пыталась отыскать в этих до боли знакомых чертах хоть каплю того человека, которого когда-то любила. Того, кто плакал от счастья под окнами роддома, боялся прикоснуться к крошечному первенцу и клялся, что их союз — это навсегда.

За стеклом стремительно густели сумерки. Промозглый ноябрьский ветер швырял в окно пригоршни мокрого снега. На плите остывал нетронутый ужин, а из детской доносилось негромкое бубнение: двенадцатилетний Даня читал младшему брату вечернюю сказку. В их квартире всё оставалось прежним — круглые часы с треснувшим циферблатом над буфетом, занавески в мелкую зеленую клетку, рамки с детскими рисунками на обоях, тонкий луч света, пробивающийся из прихожей. И только мужчина, стоящий посреди этого уюта, в одно мгновение стал абсолютно чужим.

— Погоди, — тихо произнесла Елена. Ей пришлось поставить чашку на стол, потому что пальцы предательски задрожали. — Ты сейчас это серьезно? То есть твои встречи с собственными сыновьями теперь напрямую зависят от настроения твоей Вероники?

— Не извращай мои слова, — поморщился он. — Я сказал: если у нас не будет других дел. — У вас?

— Лена, у меня начинается совершенно другой этап жизни. Я сыт по горло этим бесконечным днем сурка: уроками, спортивными секциями, детскими соплями, твоим вечным недовольством и бытовой рутинной. Я просто выгорел.

— Выгорел? — переспросила она, и её голос упал до едва различимого шепота. — От чего же ты так переутомился, Артём? От того, что по утрам садился за стол, где уже стоял горячий завтрак? Или от того, что раз в полгода отвозил Данилу на тренировку? А может, от редких попыток вспомнить, в какую смену учится твой младший сын?

Муж нервно передернул плечами и демонстративно отвернулся к темному окну.

— Вот именно поэтому я и ухожу. С тобой невозможно вести нормальный диалог. Любую мелочь ты превращаешь в шекспировскую трагедию.

— Тайный роман, который длится почти год, — это, по-твоему, мелочь?

Артём резко развернулся, на его лице промелькнуло замешательство.

— Кто тебе напел?

Елена горько, беззвучно усмехнулась. Значит, догадка оказалась верной. До этой самой секунды в глубине души еще теплилась глупая, детская надежда, что Ирина ошиблась. Что те фотографии Артёма с холеной молодой блондинкой, слухи о покупке новой квартиры и его бесконечные «совещания» допоздна — лишь досадное недоразумение. Но одного этого испуганного, затравленного взгляда мужа хватило, чтобы картонный домик окончательно рухнул.

— Не имеет значения, откуда я знаю. Главное — это правда.

— Да, правда, — после недолгой паузы, словно сбрасывая мешавшую маску, выплюнул он. — Я встретил человека, с которым снова дышу полной грудью. Вероника моложе, но дело даже не в цифрах в паспорте. Она легкая. Она не грузит меня разговорами о долгах за коммуналку, не ноет, что устала, и не ходит перед глазами в застиранном шмотье. С ней можно говорить об искусстве, о путешествиях, а не только о ценах на молоко и школьных собраниях.

Елена машинально опустила взгляд на свой домашний джемпер — некогда мятного цвета, теперь он вытянулся на локтях и покрылся катышками. Она носила его не от того, что махнула на себя рукой. Просто новые зимние ботинки для Дани и теплая куртка для семилетнего Тимы каждую осень съедали весь бюджет, не оставляя места для её собственных покупок. Артём прекрасно это знал. Мало того, именно он морщился всякий раз, когда она заглядывалась на вещи в витринах, и назидательно бубнил, что сейчас нужно затянуть пояса.

— Новую квартиру для своей легкой музыки ты тоже купил на наши сбережения? — негромко спросила Елена.

Муж подобрался, взгляд его стал колючим.

— Я приобрел жилье для себя. На кого оно записано — тебя не касается.

— Если на это ушли деньги из семейного бюджета — еще как касается.

— Это мои деньги! — Артём почти сорвался на крик, но тут же испуганно покосился на закрытую дверь детской. — Я их заработал лично!

— А я, значит, все эти тринадцать лет просто прохлаждалась? Не вела быт, не подрабатывала по ночам на фрилансе, не тащила на себе двух мальчишек? Не выхаживала твою мать после сложнейшей операции, не контролировала ремонт, не стояла сутками у плит и не ночевала в детских больницах? Ты сам умолял меня уволиться из агентства, когда родился Тимур. Повторял, что детям нужна заботливая мать, а не дерганая карьеристка.

— Ты сама согласилась на это.

— Да. Потому что дура была. И потому что верила тебе.

Артём молча снял с вешалки пальто, тщательно расправил воротник и перехватил связку ключей. В каждом его жесте сквозила суетливая поспешность дезертира, мечтающего поскорее сбежать из неудобного места, где его заставляют смотреть на собственное отражение в зеркале правды.

— Сегодня и завтра я побуду у Вероники. В выходные приеду забрать свои вещи. Постарайся преподнести всё детям как-то помягче, без грязных подробностей.

— Без каких именно? — в упор спросила Лена. — Не говорить им, что их отец целый год вел двойную жизнь? Или умолчать о том, что он отдал чужой женщине деньги, которые мы годами откладывали на колледж для Дани?

— Хватит! — прошипел он. — Не смей настраивать против меня пацанов. Я их отец.

— Только по субботам. И то, если Вероника разрешит.

Он до боли сжал челюсти, но промолчал. Елена смотрела на него, и в этот момент внутри неё будто перерезали тугой канат. Не сердце — оно продолжало глухо и тяжело биться о ребра. Оборвалась невидимая нить, которая долгие тринадцать лет заставляла её находить оправдания любому его эгоистичному поступку. Постоянно пропадал на работе и не помогал с сыновьями? Ну конечно, он же добытчик, устает. Забыл про годовщину? Закрутился, голова забита делами. Не заметил её новую прическу? У него сложный проект. Раздражался, когда она заболела? Это он просто от стресса.

Теперь все эти иллюзии рассыпались серой пылью, обнажив одну простую и уродливую правду: Артём всегда жил исключительно для собственного комфорта, плевав на чужие чувства.

Елена медленно стянула с безымянного пальца обручальное кольцо. На коже остался бледный, ровный след, похожий на рубец от старого ожога.

— Ладно, — выдохнула она. — Ступай в свою новую, чистую жизнь.

Муж заметно расслабился, приняв её тихий тон за покорность.

— Ну вот и отлично. Я всегда знал, что ты женщина разумная.

— Но у меня есть одно условие.

— Какое еще условие?

— Мальчиков ты забираешь с собой.

Артём замер. Несколько секунд он тупо разглядывал её лицо, а потом выдавил короткий, сухой смешок.

— Прекрати нести чушь.

— Почему чушь? — Елена сделала шаг вперед. — У тебя просторная новая квартира, молодая спутница, отличный доход. Ты ведь сам без конца твердил, что сыновья должны воспитываться в полной семье. Вот пусть и воспитываются.

— Ты их мать.

— А ты их отец.

— Женщинам природой дано лучше ладить с детьми.

— Да неужели? Значит, пришло время разрушить этот стереотип и проверить, как с этим справятся мужчины.

Артём смотрел на нее уже без тени улыбки. В его глазах закипала злость.

— Ты не сможешь бросить детей. Ты просто берешь меня на пушку.

— Кто знает, — тихо и невероятно спокойно ответила Елена. — Может, я просто впервые в жизни перестала тебя бояться.

Он крутанулся на каблуках и грохнул входной дверью так, что в коридоре покачнулась и съехала набок рамка с семейным портретом. На этой фотографии, сделанной три года назад в горном отеле, они стояли вчетвером. Артём широко улыбался, приобнимая сыновей за плечи, Елена жмурилась от яркого солнца на фоне заснеженных вершин. В ту поездку младший Тима слег с тяжелейшим ротавирусом в первую же ночь. Елена безвылазно сидела в душном номере, меняя компрессы, а Артём каждый день уходил кататься на лыжах, заявляя, что глупо портить отдых всей семье. Но на глянцевого снимке они выглядели безупречно счастливыми.

— Мам...

В проеме кухонной двери стоял Даня. Худой, вытянувшийся за лето подросток со взъерошенными темными вихрами и слишком серьезными, не по-детски глубокими глазами. Он уже давно перерос тот возраст, когда любую беду можно было загладить новой машинкой или сладким леденцом.

— Вы с папой расстаетесь? — спросил он тихо.

У Елены перехватило дыхание, к горлу подкатил колючий ком.

— Мы ведь старались говорить тихо... Ты всё слышал?

— Когда люди пытаются шептаться о таком, получается громче всего.

Из-за спины брата робко высунулся Тимур, крепко прижимая к груди старого плюшевого енота, у которого вместо одного глаза болталась серая пуговица.

— Папа ушел насовсем?

Елена опустила на колени перед младшим сыном, бережно притягивая его к себе. От его волос пахло лавандовым мылом и домашним овсяным печеньем, которое они пекли вместе перед выходными.

— Папа теперь будет жить в другом месте, потому что я вчера разбил мамину любимую пиалу? — прошептал Тима, шмыгая носом.

— Ох, глупыш... Ну конечно же нет. Ты тут абсолютно ни при чем.

— А ты при чем? — мальчик заглянул ей в глаза.

— Тоже нет.

— Тогда почему он уехал?

Елена не нашла слов. Взрослые часто тешат себя иллюзией, будто дети ничего не замечают, но на самом деле те видят гораздо больше, чем кажется. Они улавливают, как мать замирает и с трудом сглатывает воздух, едва в замке поворачивается ключ. Они слышат лед в коротких фразах родителей и чувствуют, как стены дома сжимаются от невысказанного напряжения.

— Иногда люди совершают ошибки и принимают неверные решения, — подбирая слова, произнесла она. — Но это решение вашего отца, не ваше.

Даня плечом облокотился о косяк и глухо произнес:

— У него кто-то есть.

Елена вздрогнула и подняла на него растерянный взгляд.

— Откуда такие мысли, сынок?

— Я случайно увидел всплывающее сообщение на его экране пару недель назад. Там было написано: «Жду тебя, любимый». А папа быстро спрятал телефон и соврал, что это по работе.

— Почему ты молчал?

— Думал, может, я неправильно понял... — Даня опустил голову, пряча глаза. — И очень боялся, что если расскажу тебе, вы точно разведетесь.

Елена поднялась, подошла к старшему сыну и крепко, надежно обняла его.

— Запомни раз и навсегда. То, что происходит между мужем и женой, никогда, слышишь, никогда не бывает виной ребенка. Даже если бы ты сказал мне тогда, это ничего бы не изменило. Папа сделал свой выбор очень давно.

В ту ночь в квартире никто не сомкнул глаз. Тима трижды прибежал в комнату матери, тихонько забираясь под одеяло и сворачивался калачиком, прижимаясь к её боку. Даня лежал у себя, демонстративно отвернувшись к стене, и старательно имитировал ровное дыхание, делая вид, что крепко спит. Елена сидела на краю постели, глядя в глухую ночную темноту. Ей безумно хотелось завывать в голос, закричать от несправедливости, набрать номер Артёма и выплеснуть всю накопившуюся боль. Но сильнее всего ей хотелось повернуть время вспять и вернуть детям вчерашний день, когда их мир еще казался им целым и безопасным.

ГЛАВА 2. ТЕНИ ПРОШЛОГО И ГОРЬКАЯ ПРАВДА

Свинцовый ноябрьский рассвет просачивался сквозь кухонную тюль неохотно, словно сам стыдился той серости, которую принес в этот дом. В квартире пахло остывающим чаем и влажным сквозняком из неплотно прикрытой форточки. На плите привычно, с натужным свистом закипал старый чайник, выпуская в потолок упругую струю белого пара. Елена стояла у окна, обхватив себя руками за плечи, и смотрела во двор. Там, внизу, ветер гонял по замерзшему асфальту жухлые рваные листья и обрывки пластиковых пакетов. Жизнь за пределами этих стен текла своим чередом: люди спешили на автобусы, кутались в капюшоны, прогревали машины. А её собственный мир лежал в руинах, засыпанный пеплом вчерашнего разговора.

Всё вокруг выглядело пугающе обыденным. Из детской донеслось копошение, затем шлепанье босых ног по линолеуму коридора. Младший, семилетний Тимур, заглянул на кухню сонный, со взъерошенными волосами, волоча за собой своего любимого плюшевого енота. Следом за ним, на ходу застегивая пуговицы на школьной рубашке, вошел Даня. Его лицо было бледным, под глазами залегли темные тени — мальчик явно не спал большую часть ночи, хоть и притворялся спящим, когда Елена заглядывала к нему.

Елена заставила себя улыбнуться — натянуто, одними губами. Она пододвинула к сыновьям тарелки с кашей, налила им теплое какао. Мальчики сели за стол. Тима капризно ткнул ложкой в овсянку, требуя варенья, а Даня хмуро уткнулся в тарелку, стараясь не смотреть матери в глаза.

Только стул у окна — место, где всегда сидел Артём, — пустовал. Эта пустота казалась физически ощутимой, тяжелой, словно на сиденье положили невидимый мешок с цементом.

Елена перевела взгляд на дверцу холодильника. Там, под ярким магнитом в виде деревянного домика, принесенного из какого-то забытого похода, висел аккуратный листок. Каждые полгода она писала такой список дел: «Оплатить Дане секцию карате у тренера Виктора Петровича. Купить Тиме новые зимние ботинки (мембрана, чтобы ноги не промокали). Пройти УЗИ сердца для Тимы (запись к кардиологу на 24-е число). Отложить деньги на летний лагерь Дане».

Каждая строчка на этом листке была оплачена её личным отказом от самой себя. Елена годами не покупала себе ничего дороже базовых футболок. Она три года ходила в одном и том же зимнем пуховике с заевшей молнией, уверяя Артёма, что он «еще вполне приличный». Она откладывала визиты к стоматологу, терпя ноющую боль и заглушая её таблетками, потому что «сейчас не время тратить семейный бюджет на частные клиники». Артём всегда соглашался с ней. Он недовольно хмурился, если она заговаривала о покупке нового платья, и читал долгие нотации об экономии и ответственности перед детьми.

Когда за мальчиками наконец захлопнулась входная дверь и они ушли в школу, Елена опустила на стул и закрыла лицо руками. Тишина, воцарившаяся в квартире, давила на уши. Сердце колотилось медленно и болезненно. Достав телефон, она дрожащими пальцами набрала номер Ирины.

Они дружили со студенчества. Ирина всегда была оголенной противоположностью Елены — резкая, прямая, волевая, она не умела молчать и терпеть. После сложного развода Ирина одна воспитывала дочь и руководила небольшим отделом в строительной фирме. Она знала изнанку мужского эгоизма и никогда не позволяла вытирать о себя ноги. Именно Ирина накануне вечером решила открыть Елене глаза, предоставив первые доказательства того, что Артём уже давно живет на два фронта.

— Он во всем сознался, — выговорила Елена, едва Ирина сняла трубку. Голос её звучал хрипло, будто сорванный.

— Господи... Лена, ты как? Ты держишься? — в голосе подруги послышалась неподдельная тревога.

— Я не знаю. Кажется, я просто функционирую. Передвигаю ноги, варю кашу, проверяю рюкзаки. Но внутри... внутри пустота. Как будто меня выпотрошили до капли.

— Слушай меня внимательно: я сейчас еду к тебе. Ничего не делай, просто сиди дома.

— Нет, Ир, не нужно меня караулить. Сделай то, о чем мы говорили. Выясни всё, что сможешь, про ту квартиру. Мне нужно знать правду. Всю, без остатка.

— Я уже всё узнала, Лена. Жди меня. Через сорок минут буду.

Когда в коридоре запел звонок домофона, Елена вздрогнула. Она открыла дверь и отступила назад. Ирина влетела в прихожую как ураган. Её ярко-алое шерстяное пальто казалось вызывающим, кричащим пятном на фоне блеклых, шалфейно-зеленых стен их коридора. Она бросила связку ключей на тумбочку, стащила сапоги и, даже не сняв пальто, прошла на кухню. В руках она держала объемный бумажный пакет из кондитерской и плотную пластиковую папку-уголок.

— Вот, — Ирина с глухим стуком опустила папку на стол рядом с остывшей чашкой чая. — Здесь выписки, адреса и копии документов. Я задействовала все свои связи в реестре.

Елена медленно села напротив. Её взгляд приковался к папке, но протянуть руку и открыть её она боялась.

— Расскажи сама. У меня... у меня буквы перед глазами плывут.

Ирина тяжело вздохнула, растегнула верхние пуговицы пальто и села на край стула. Её лицо, обычно живое и подвижное, сейчас было суровым и сосредоточенным.

— Артём купил эту квартиру ровно три месяца назад. Это двухкомнатная квартира площадью шестьдесят квадратных метров в новом жилом комплексе «Гринвуд». Очень престижный район, закрытая территория, панорамные окна. Всё, как он любит.

— На кого она оформлена?

— На неё. На Веронику. Оформлена по договору дарения. То есть юридически Артём как бы не имеет к этой недвижимости никакого отношения. Это её личная собственность, полученная в дар от щедрого покровителя. Но есть одна деталь, Лена, на которой твой благоверный крупно прокололся.

Ирина открыла папку и вытащила веер распечатанных банковских документов, испещренных таблицами и печатями.

— Деньги на покупку этой квартиры Артём переводил со своего личного накопительного счета. Того самого счета, который он открыл четыре года назад. Помнишь, он уверял тебя, что открыл этот вклад на имя своей матери, чтобы «было проще с налогами», и что там лежат ваши общие сбережения на покупку загородного участка?

Елена кивнула. Перед глазами всплыли вечера, когда они обсуждали будущий дом. Артём с увлечением рисовал на клочке бумаги планировку комнат, веранду, где они будут пить чай по вечерам, сад для мальчиков. Он убеждал её, что нужно откладывать каждую копейку. «Леночка, — говорил он своим мягким, вкрадчивым голосом, — давай сейчас затянем пояса. Зато потом у нас будет свой угол, чистый воздух для детей. Потерпи немного». И она терпела. Экономила на еде, выискивала скидки, отказывала себе в элементарных женских радостях.

— Он перевел всю сумму целиком, — жестко продолжала Ирина. — Около пяти миллионов рублей. Это были практически все ваши семейные накопления. Плюс он взял крупный потребительский кредит на себя, чтобы закрыть остаток стоимости сделки. И все эти деньги ушли застройщику в счет оплаты квартиры Вероники.

— Но ведь... если это договор дарения, как я смогу доказать, что это были наши деньги? — Елена подняла на подругу полные отчаяния глаза. — Он ведь скажет, что это его личные заработки, к которым я не имею отношения.

— Не скажет! — Ирина с силой ударила ладонью по столу. — У вас законный брак. Никакого брачного договора вы не подписывали. По нашему законодательству все доходы, полученные любым из супругов в период брака, являются их общим совместным имуществом. Неважно, кто именно ходил на работу, а кто сидел дома с детьми и варил борщи. Его зарплата — это твоя зарплата. Его сбережения — это твои сбережения. То, что он тайно снял эти деньги и подарил их посторонней девице, — это прямое нарушение твоих прав. Мы оспорим эту сделку или потребуем компенсацию половины стоимости в рамках раздела имущества.

Елена закрыла лицо руками. Слезы наконец прорвались наружу, горячими каплями стекая между пальцами. Она плакала тихо, беззвучно, и от этого её плечи содрогались еще сильнее.

— Я не понимаю... за что он так со мной? — всхлипнула она. — Тринадцать лет... Я ведь жила только им, детьми, домом. Я растворилась в этой семье. Я верила каждому его слову. Когда его мать заболела, я полгода мыла её, судна выносила, пока он на работе пропадал. Почему он считает, что имеет право просто вышвырнуть меня на обочину, забрав всё?

Ирина пересела к ней, крепко обняла за плечи и прижала к себе. От пальто подружки пахло холодной ноябрьской сыростью и дорогим парфюмом — ароматом сильной, уверенной в себе женщины.

— Потому что он эгоист и трус, Ленка. Он привык, что ты всегда рядом, всегда удобная, всегда всё поймешь и простишь. Он решил, что ты никуда не денешься. Но он просчитался. Нам нужен хороший юрист. У меня есть на примете одна женщина — Ольга Викторовна. Она спец по сложным разводам. Зубастая, умная, спуска не даст. Я сама оплачу её услуги на первом этапе, даже не смей спорить!

Елена не спорила. У нее просто не было сил на сопротивление. Она чувствовала себя песчинкой, которую ураган сорвал с насиженного места и несет в неизвестность.

В следующие дни Артём не звонил и не писал детям. Он словно вычеркнул их из своей новой, сияющей жизни. Лишь в четверг вечером на телефон Елены пришло короткое сухое СМС: «Буду в субботу утром. Заберу остаток вещей. Предупреди парней, чтобы не устраивали сцен».

Елена прочитала сообщение несколько раз. Никаких «как дела?», никаких вопросов о здоровье сыновей. Просто инструкция по эксплуатации.

Тимур каждый вечер крутился у окна. Мальчик выбегал в прихожую при каждом шорохе за дверью, надеясь, что папа вернулся. Его детское сердечко не справлялось с резкой переменой.

— Мам, а папа скоро приедет? — спрашивал он, заглядывая Елене в глаза и прижимая к себе своего одноглазого плюшевого енота. — Он обещал привезти мне новый конструктор. Он забыл?

— Нет, малыш, не забыл. Папа просто очень занят на работе. Он приедет в субботу, — каждый раз отвечала Елена, и эти слова казались ей горьким ядом, которым она вынуждена кормить собственного ребенка, чтобы уберечь его от суровой правды.

Старший, Даня, вел себя иначе. Он практически перестал разговаривать. Приходя из школы, он швырял рюкзак в угол, закрывался в своей комнате и часами сидел в наушниках, уставившись в экран телефона. Он стал раздражительным, дерганным, грубил матери на любые попытки завязать разговор. Елена видела, как в нем зреет тяжелая, темная злость, но не знала, как к ней подступиться.

Развязка наступила в пятницу днем.

Елене позвонила классная руководительница Дани, Татьяна Васильевна. Её голос в трубке звучал взволнованно и строго.

— Елена Дмитриевна? Здравствуйте. Вам нужно срочно приехать в школу. Ваш Данил устроил жестокую драку на большой перемене.

У Елены похолодели руки.

— Что случилось? Он цел?

— Физически — относительно цел, если не считать разбитой губы и пары ссадин. Но ситуация очень серьезная. Он набросился на одноклассника, Кирилла, и буквально избил его. Мальчиков едва растащили трое учителей. Родители Кирилла уже собираются писать заявление. Пожалуйста, приезжайте.

Елена накинула старый пуховик и побежала в школу. Дорога казалась бесконечной, холодный ветер со снегом хлестал по лицу, но она не замечала холода. В её голове крутилась только одна мысль: «Господи, только бы с Даней всё было хорошо».

В кабинете директора было тихо и душно. Даня сидел на крайнем стуле, уставившись в пол. Его школьная куртка была порвана на плече, на скуле наливался багровый синяк, а из разбитой губы сочилась кровь, которую он размазывал по подбородку рукавом. Напротив сидела заплаканная мать Кирилла и сам Кирилл — пухлый мальчик с прижатым к носу мокрым платком.

Разбирательство длилось больше часа. Елена бесконечно извинялась, обещала возместить ущерб за порванную одежду Кирилла, уговаривала его мать не писать заявление в полицию. В конце концов, инцидент удалось замять, но директор строго предупредил, что еще один подобный случай — и Даню поставят на учет в комиссию по делам несовершеннолетних.

Домой они шли молча. Даня шагал чуть впереди, засунув руки глубоко в pocket-ы куртки и низко надвинув капюшон. Елена едва поспевала за его широкими, сердитыми шагами.

Дома, едва закрыв дверь прихожей, Даня попытался сразу проскользнуть в свою комнату, но Елена перегородила ему путь.

— Даня, стой. Давай поговорим.

— Нам не о чем говорить, — буркнул он, не поднимая головы.

— Нет, есть о чем! — Елена мягко, но настойчиво взяла его за плечи. — Даня, посмотри на меня. Почему ты устроил эту драку? Ты ведь никогда не был драчуном. Что этот мальчик тебе сделал?

Даня резко дернулся, сбрасывая её руки. Его лицо исказилось от боли и ярости, глаза блестели от сдерживаемых слез.

— Он заслужил! — крикнул подросток, и его голос сорвался на фальцет. — Этот урод орал на весь коридор, что мой отец — козел и предатель! Что он бросил нас ради молодой шлюхи, потому что ты... потому что ты старая, ходишь в обносках и ему надоела! Весь класс стоял и ржал!

Елена замерла, словно её ударили наотмашь. Воздух в прихожей вдруг стал густым и вязким, ей стало трудно дышать.

— Даня... — прошептала она, протягивая к нему дрожащую руку. — Сынок...

— А что мне было делать?! — продолжал кричать мальчик, и слезы наконец покатались по его грязным, окровавленным щекам. — Стоять и слушать это? Кивать головой? Сказать им всем: «Да, вы правы, мой папа променял нас на новую тетю и новую квартиру, а мы ему больше не нужны»? Я ненавижу его! Ненавижу! И тебя нена...

Он осекся, не договорив последнее слово, испугавшись того, что чуть не сорвалось с его языка. Он тяжело дышал, его плечи ходили ходуном.

Елена сделала шаг вперед и, несмотря на его слабое сопротивление, крепко прижала сына к себе. Она зарылась лицом в его взъерошенные, пахнущие улицей и подростковым потом волосы.

— Даня, послушай меня, — шептала она, едва сдерживая собственные рыдания. — То, что произошло между мной и папой, — это только наша, взрослая история. Ты ни в чем не виноват. И ты не должен защищать меня или его кулаками. Твой папа поступил очень плохо.

Но ты не должен ломать свою жизнь из-за его ошибок. Слышишь меня? Мы справимся. Обязательно справимся. Но ты должен быть сильным не для драки, а для нас.

Даня постоял мгновение неподвижно, упираясь лбом в её плечо, а потом обмяк и уткнулся лицом в её старый, катышками покрытый мятный джемпер, горько и безутешно рыдавшись. Это были слезы ребенка, чей самый главный защитник — отец — в одночасье превратился в главного разрушителя его жизни.

Елена гладила сына по спине, всматриваясь в темноту коридора. Внутри неё, под слоями боли и жалости, медленно поднималось новое, незнакомое ей ранее чувство — холодное, твердое и непреклонное решение. Она больше не позволит Артёму разрушать этот дом и калечить души её мальчиков. В субботу он приедет за вещами. И эта суббота станет началом его собственного урока.

ГЛАВА 3. СУББОТНИЙ ВИЗИТ

Субботнее утро выдалось пронзительно холодным и бесцветным

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.